

УДК 343.237
ББК 67.408.017

Ю.Е. Пудовочкин,
доктор юридических наук, профессор,
Российская академия правосудия

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОУЧАСТИИ

В статье анализируется опубликованная и неопубликованная практика Верховного Суда РФ в части квалификации преступлений, совершенных в соучастии. На основе конкретных судебных решений и обобщенных позиций высшей судебной инстанции формулируются устоявшиеся правила квалификации действий исполнителя, организатора, подстрекателя и пособника в преступлении. Формулируются и разрешаются наиболее значимые и актуальные проблемы квалификации действий соучастников преступления.

Ключевые слова: квалификация соучастия в преступлении; исполнитель преступления; организатор преступления; подстрекатель к преступлению; пособник преступления; судебная практика.

Yu.Ye. Pudovochkin,
Doctor of Law, Professor
Russian Academy of Justice

COURT PRACTICE OF QUALIFYING OFFENCES COMMITTED IN COMPLICITY

The paper analyses the published and unpublished rulings of the Supreme Court of the Russian Federation concerning the qualification of offences committed in complicity. Using the specific court rulings and generalized positions of the highest judicial authority the author formulates the established rules of qualifying actions of a principal offender, an organizer, an aider and abettor of a crime. The most significant and topical issues of qualifying the actions of accomplices in a crime are formulated and resolved.

Key words: qualification of criminal complicity; principal offender; organizer; aider and abettor of a crime; court practice.

Соучастие в преступлении – один из самых сложных для теоретического обоснования и практического применения институтов уголовного права. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, деяния около четверти всех осужденных квалифицируются с учетом положений закона о соучастии в преступлении. При этом, как показал анализ практики, судами нередко допускаются ошибки в понимании признаков соучастия и уголовно-правовой оценке действий соучастников в зависимости от выполняемой в преступлении роли и формы соучастия. В этой связи вопросы правильной квалификации действий соучастников преступления приобретают особое значение, а их правильное решение выступает залогом назначения адекватного наказания и обеспечения справедливой реакции на преступление.

Согласно ст. 32 УК РФ соучастием признается умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышлен-

ного преступления; ст. 33 УК определяет, что соучастниками преступления наряду с исполнителем признаются также организатор, подстрекатель и пособник.

Исполнитель – главная фигура соучастия; без исполнителя действия иных лиц не могут быть квалифицированы как соучастие, а квалификация действий исполнителя обуславливает параметры уголовно-правовой оценки действий иных соучастников.

Исходя из предписаний ч. 2 ст. 33 УК РФ, в науке стало традиционным выделять три разновидности исполнителей:

1) индивидуально действующий исполнитель, т. е. лицо, которое самостоятельно полностью выполнило объективную сторону того или иного преступления;

2) соисполнители, т. е. лица, которые совместно полностью или каждый в определенной части выполнили объективную сторону преступления;

3) посредственный причинитель, т. е. лицо, которое совершило преступление пос-

редством использования лиц, не подлежащих уголовной ответственности, а равно посредством использования животных или управляемых им технических приспособлений.

При квалификации исполнительских действий, пожалуй, лишь первая из выделенных ситуаций не вызывает серьезных проблем, в то время как признание соисполнительства и посредственного причинения сопряжено с рядом трудностей. В связи с этим необходимо обратить особое внимание на следующие вопросы.

1. *Обязательным условием признания лица исполнителем или соисполнителем преступления выступает факт обладания им всеми признаками субъекта конкретного преступления.* Не вызывает проблем ситуация, когда преступление совместно совершают два или более лица, согласно предписаниям закона способные нести уголовную ответственность, т. е. достигшие требуемого ст. 20 УК РФ возраста и вменяемые (ст. 19, 22, 23 УК РФ). Здесь важно лишь обратить внимание на то, что как совершенные в соучастии следует рассматривать действия лиц, которые обладали признаками субъекта преступления на момент совершения деяния. Так, если один из участников преступления перестал обладать признаками субъекта после окончания преступления (например, у него возникло психическое расстройство, при котором невозможно исполнение наказания), то это не меняет квалификации действий второго участника как совершенных в соучастии.

Гораздо сложнее ситуация, когда на момент совершения преступления один из соучастников не обладает признаками субъекта преступления. В судебной практике и науке ее однозначной характеристики нет. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», «в случае совершения кражи несколькими лицами без предварительного сговора их действия следует квалифицировать по пункту «а» части второй ст. 158 УК РФ по признаку «группа лиц», если в совершении этого преступления совместно участвовало два или более исполнителя, которые в силу ст. 19 УК РФ подлежат уголовной ответственности за содеянное. Если лицо совершило кражу посредством использования других лиц, не подлежащих уголовной ответственности в силу возраста, невменяемос-

ти или других обстоятельств, его действия (при отсутствии иных квалифицирующих признаков) следует квалифицировать по части первой статьи 158 УК РФ как непосредственного исполнителя преступления (ч. 2 ст. 33 УК РФ)». В то же время в ряде решений по конкретным уголовным делам Верховный Суд РФ определил, что преступление признается совершенным группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой, независимо от того, что некоторые из участвовавших в преступлении лиц не были привлечены к уголовной ответственности в силу недостижения возраста уголовной ответственности или ввиду невменяемости.

Весьма показательным делом Прокопьева из практики Верховного Суда РФ. Установлено, что убийство Прокопьевым потерпевшего совершено совместно с Богомолковым. При этом Прокопьев удерживал потерпевшего за руки, а Богомолов по предложению Прокопьева наносил потерпевшему удары ножом. Действия Прокопьева квалифицированы судом по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное группой лиц. В надзорном представлении заместитель Генерального прокурора РФ поставил вопрос о переквалификации действий Прокопьева с п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 105 УК РФ, считая, что органы следствия и суд при квалификации действий осужденного как совершение убийства группой лиц не учли, что преступление Прокопьев совершил совместно с лицом, которое признано невменяемым в отношении инкриминированного ему деяния. Президиум Верховного Суда РФ оставил надзорное представление без удовлетворения по следующим основаниям.

По смыслу закона (ст. 35 УК РФ) убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно, с умыслом, направленным на совершение убийства, непосредственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие, причем необязательно, чтобы повреждения, повлекшие смерть, были причинены каждым из них. Доводы же, изложенные в надзорном представлении, о том, что согласно акту судебной психолого-психиатрической экспертизы Богомолов признан в отношении инкриминированного ему деяния невменяемым и освобожден от уголовной ответственности за совершенное

им в состоянии невменяемости общественно опасное деяние и к нему применены принудительные меры медицинского характера, в связи с чем действия Прокопьева не могут быть квалифицированы как совершенные группой лиц и подлежат переквалификации на ч. 1 ст. 105 УК РФ, не основаны на законе. При изложенных обстоятельствах действия Прокопьева квалифицированы правильно (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 604П04пр по делу Прокопьева)*.

Некоторые ученые критически оценивают такой подход высшей судебной инстанции. Вместе с тем он имеет под собой достаточное теоретическое обоснование. Ключевой признак, на основании которого действия субъекта преступления и лица, не подлежащего уголовной ответственности, могут быть оценены по правилам соучастия, состоит в совместности их действий. Если лицо, обладающее признаками субъекта преступления, склоняет или оказывает помощь в совершении преступления другому лицу, не обладающему признаками субъекта, и при этом само не принимает участия в исполнении объективной стороны данного преступления, то объективно мы имеем дело с субъектом-подстрекателем (пособником) и несубъектом-исполнителем. Согласно учению о посредственном причинении, лицо, обладающее признаками субъекта, в данном случае признается исполнителем преступления. Получается, что оно одновременно выполняет две роли в преступлении: подстрекателя (пособника) и исполнителя. А согласно устоявшимся представлениям такое лицо должно нести ответственность лишь за исполнительские действия, поскольку они как бы «поглощают» собой действия подстрекательские (пособнические). В силу этого при использовании не подлежащего уголовной ответственности лица для совершения преступления соучастия не создается. Иное дело, когда лицо, обладающее признаками субъекта, совместно с лицом, не являющимся субъектом преступления, выполняет полностью или частично объективную сторону преступления. Субъект в данном случае совмещает в себе статус исполнителя и посредственного

причинителя; оно несет ответственность и за самостоятельно выполненные действия, и за действия, совершенные несубъектом, т. е. за действия двух лиц, что и служит основанием для вменения данному субъекту факта совершения преступления в соучастии.

2. *Соисполнителями признаются не просто лица, присутствовавшие при выполнении объективной стороны преступления, а лишь те, которые совместно принимали непосредственное участие в совершении преступления.* При этом как раз присутствие на месте совершения преступления не является обязательным признаком соисполнительства (как и соучастия вообще).

В судебной практике иногда согласованный характер действий участников усматривается лишь в непосредственном присутствии обвиняемого на месте совершения преступления. Между тем, как указывал еще в 1939 г. Верховный Суд СССР, для наличия совместности не требуется, чтобы соучастники исполняли свои функции непосредственно на месте совершения преступления; напротив, один лишь факт присутствия постороннего лица на месте совершения преступления при недоказанности подстрекательства или пособничества не может рассматриваться как соучастие в преступлении [11].

Соответствующие ошибки имеют место и в современной практике. Примером тому служит дело Усманова и др. Судом было установлено, что Усманов, Горюнов, Парфенов и Шачнев в составе банды совершили ряд преступлений. Вечером 14 марта 2000 г. они встретили ранее не знакомую П. и привезли ее в дом, где проживал Горюнов. Во время распития спиртного между П. и Горюновым возникла ссора. Горюнов нанес потерпевшей удар в голову, отчего она упала на диван, а сам сел ей на спину. Парфенов и Шачнев стали удерживать потерпевшую за руки и ноги, а Горюнов в это время душил П., пока не наступила ее смерть. После этого Горюнов и Шачнев совместно с Усмановым вывезли труп потерпевшей в лесопосадку. Действия Усманова квалифицированы судом по п. «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ как убийство, совершенное организованной группой и сопряженное с бандитизмом. В надзорной жалобе осужденный Усманов просил переквалифицировать его действия на ст. 316 УК РФ, мотивируя тем, что непосредственного участия в лишении жизни П. он не принимал, о ее убийстве

* См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 604П04пр по делу Прокопьева [1]; см. также: Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 1048п2000пр по делу Тимиркаева и др.; Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 740п99 по делу Степанова [2].

либо о сокрытии преступления с другими осужденными заранее не договаривался.

Президиум Верховного Суда РФ переквалифицировал действия Усманова на ст. 316 УК РФ, указав следующее. По смыслу уголовного закона действия виновного как убийство, совершенное организованной группой, могут быть квалифицированы, если по делу будет установлено, что группа из двух или более лиц объединена умыслом на совершение одного или нескольких убийств. При этом такая группа, как правило, тщательно планирует преступление, заранее подготавливает орудия убийства, распределяет между участниками группы роли, которые каждый из них будет исполнять в процессе совершения убийства. Поэтому действия всех участников организованной группы квалифицируются как соисполнительство. Однако по настоящему уголовному делу таких признаков не имеется. Приговором суда установлено, что Усманов лишь принял меры к сокрытию трупа потерпевшей. Никаких действий, направленных на лишение жизни П., либо на оказание в этом в какой-либо форме содействия другим осужденным, Усманов не совершал. Вывод суда о том, что Горюнов «рассчитывал на помощь Усманова», является предположением, поскольку не подтвержден доказательствами, изложенными в приговоре (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 69П06 по делу Усманова).

Еще один пример – дело Прокофьева.

Как установил суд, в мае-июне 2003 г. Прокофьев из корыстной заинтересованности неоднократно предлагал своим подчиненным военнослужащим по призыву похищать из хранилища войсковой части костюмы летние камуфлированные, обещая за это создать им «нормальные» условия службы, а также содействовать предоставлению им отпусков и своевременному увольнению в запас. Чтобы подстраховать подчиненных от возможного обнаружения их отсутствия в ночное время в подразделении в момент совершения преступления, Прокофьев предлагал им совершать хищения в те дни, когда сам заступал в наряд дежурным по части. Кроме того, он обещал продавать и в действительности реализовывал похищенное.

Судебная коллегия по уголовным делам Московского окружного военного суда переквалифицировала содеянное Прокофьевым с ч. 3 ст. 158 УК РФ на ст. 33, ч. 5, и

п. «а», «б» ч. 2 ст. 158 УК РФ, поскольку соисполнителем преступления может быть признано только лицо, участвовавшее в совершении объективной стороны состава преступления. Прокофьев же таких действий не совершал. На месте преступления он не присутствовал, непосредственно содействования другим участникам в проникновении в хранилище не оказывал и безопасность совершения преступления путем страховки от возможного их обнаружения на месте его совершения не обеспечивал. Что же касается подстраховывания своих подчиненных от обнаружения их отсутствия в ночное время в подразделении, то указанные действия непосредственно к объективной стороне инкриминированного ему состава преступления не относятся, а заранее обещанный сбыт похищенного имущества он совершал уже после выполнения объективной стороны состава преступления, поэтому окружной суд обоснованно признал Прокофьева не соисполнителем, а соучастником в краже [6].

Вместе с тем грань между простым присутствием и соисполнительством весьма тонка. Приведем еще пример из практики Верховного Суда РФ.

А. признан виновным в том, что вступил в сговор с П. и С. о краже чужого имущества из магазина. Взяв с собой металлический «клык» стогометателя с целью взлома и облегчения проникновения в помещение, виновные пришли к магазину. Увидев сторожа Х., П. и С. напали на него и избili. Затем П. и С. перетащили Х. в сторожку, где нанесли ему поочередно несколько ударов топором по верхней части тела и шее. От полученных повреждений Х. скончался на месте происшествия. После этого А. взял топор и пытался разрушить стену магазина, однако это ему не удалось. Тогда все виновные с помощью топора и металлического «клыка» взломали дверь складского помещения и двери магазина, откуда похитили товары, которыми затем распорядились по собственному усмотрению.

Действия А. квалифицированы судом по ч. 3 ст. 162 УК РФ. Осужденный А. в надзорной жалобе просил о переквалификации его действий на ст. 158 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, оставил надзорную жалобу А. без удовлетворения, указав следующее. Как установлено судом

и отражено в приговоре, первоначально у осужденных была договоренность о совершении кражи из магазина. Увидев сторожа, П. и С., проявляя эксцесс исполнителей, выйдя за рамки договоренности с А., напали на Х. и стали избивать, а затем убили. Все это время А. находился рядом, наблюдал за происходящим и понимал, что П. и С. применяют к сторожу насилие, опасное для жизни, а затем и лишают его жизни с единственной целью – обеспечить беспрепятственное проникновение в магазин. Последующие действия А. свидетельствуют о том, что он принял их план, направленный на завладение чужим имуществом в магазине путем разбойного нападения, так как сразу после убийства потерпевшего Х. взял топор и с его помощью пытался проломить стену магазина. При таких обстоятельствах суд дал правильную юридическую оценку действиям А., квалифицировав их по ч. 3 ст. 162 УК РФ (Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 157-П09).

В данном случае имеет место так называемая «присоединяющаяся деятельность» соисполнителя, которая и обусловила квалификацию. Присутствие А. на месте совершения преступления могло оцениваться как приготовление к краже лишь в том случае, если бы он отказался от выполнения объективной стороны разбоя и не стал участвовать в продолжении начатого хищения. В основу решения Верховного Суда, таким образом, положено не просто присутствие А. на месте совершения преступления, а выполнением им конкретных действий, направленных на присоединение к начатому с момента эксцесса иных соучастников разбою.

Квалификация действий исполнителя и соисполнителей всегда осуществляется по статье Особенной части УК РФ без ссылки на ч. 2 ст. 33 УК РФ. Если преступление совершено соисполнителями и статья Особенной части УК РФ предусматривает в соответствующем составе квалифицирующий признак «совершение преступления группой лиц или группой лиц по предварительному сговору», то этот признак должен быть обязательно вменен соучастникам. Если такого квалифицирующего признака нет (к примеру, ст. 158 УК РФ не предусматривает усиления ответственности за совершение кражи группой лиц), то действия всех соисполнителей квалифицируются по части первой той или

иной статьи УК РФ (при отсутствии иных квалифицирующих признаков). В последнем случае также не требуется ссылки ни на ч. 2 ст. 33 УК РФ, ни на ч. 1 ст. 35 УК РФ. Не требуется ссылка на ч. 2 ст. 33 УК РФ и в тех случаях, когда в совершении преступления принимал участие один исполнитель совместно с иными соучастниками. Это устоявшееся правило квалификации.

Вместе с тем, представляется, что его можно подвергнуть сомнению. Ведь если в квалификационной формуле деяния не найдет отражения факт совершения преступления в соучастии, применение положений ст. 67 УК РФ при назначении наказания выглядит, по меньшей мере, неаргументированным и необоснованным. В связи с этим в науке предложено учитывать специфику уголовно-правовой оценки действий исполнителей при наличии соучастия в преступлении:

– если преступление совершено одним исполнителем совместно с иными соучастниками, то при квалификации действий исполнителя желательно делать ссылку на ч. 2 ст. 33 УК РФ;

– если преступление совершено несколькими соисполнителями, но статья Особенной части не предусматривает квалифицирующего признака «группа лиц» или «группа лиц по предварительному сговору», желательно делать ссылку на ч. 2 или ч. 3 ст. 35 УК РФ.

Организатор преступления – следующая по значимости фигура среди соучастников. В соответствии с ч. 3 ст. 33 УК РФ в науке выделяют две разновидности лиц, являющихся организаторами:

1) лицо, организовавшее или руководившее совершением преступления;

2) лицо, создавшее или руководившее организованной группой или преступным сообществом.

Эти различные по содержанию и по степени опасности действия организатора имеют общее свойство – они, как правило, являются инициативными и состоят в интеллектуальном, организационно-техническом и ином обеспечении возможности совершения преступления или доведения его до конца.

Организаторскими действиями, не связанными с созданием организованной группы, в современной судебной практике признаются осуществленные в совокупности: подыска-

ние объекта преступного посягательства, планирование преступления, обеспечение транспортом и наблюдение за обстановкой во время исполнения преступления, сбыт похищенного (постановление Президиума Верховного Суда РФ по делу Милочкина К.О. и др., дело № 91П10пр); поиск исполнителя, предложение совершить преступление и приобрести для этого оружие, передача денег за исполнение преступления (определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Дергуновой В.С., дело №47-009-81); определение объекта нападения, разработка плана криминальной операции, определение места нападения, осуществление расчета с исполнителями, оформление документации, сбыт имущества, добытого преступным путем (определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Матиева М.С. и др., дело № 13-О09-35) и другие аналогичные действия.

Каждое из них, взятое по отдельности, по своим объективным характеристикам близко содержанию действий подстрекателя и пособника в совершении преступления (что зачастую используется при построении защиты от обвинения). А потому, оценивая организаторские действия, не связанные с созданием преступной группы, важно обратить внимание на необходимость их отграничения от подстрекательских и пособнических действий.

Здесь важное ориентирующее значение имеют решения Верховного Суда РФ по конкретным делам, определяющие характер действий организатора. В одном из решений Суд указал, что основное отличие организатора от подстрекателя заключается в том, что последний не планирует совершение преступления и не руководит его подготовкой или совершением. В тех же случаях, когда лицо не только склонило другое лицо к совершению преступления, но впоследствии выполнило и организационные действия, деятельность этого лица следует оценивать только как организацию преступления, поскольку она является более опасной, чем подстрекательство. Организация преступления включает в себя действия, направленные на склонение другого лица к совершению преступления.

Так, Ленинградским окружным военным судом З. и Ш. признаны виновными, наряду с другими преступлениями, в подстрекатель-

стве и в организации убийства. Рассмотрев дело в кассационном порядке, Военная коллегия исключила из приговора указание об осуждении З. и Ш. за подстрекательство к совершению убийства, поскольку все действия З. и Ш. по соучастию в убийстве, в том числе и склонение другого лица к совершению преступления, полностью охватываются вмененной им ч. 3 ст. 33 УК РФ (определение Военной коллегии Верховного Суда РФ № 6-100/00) [5]. В другом решении Верховный Суд постановил, что действия организатора, который выполнял в преступлении одновременно и пособнические функции, не требуют дополнительной квалификации по ч. 5 ст. 33 УК РФ, поскольку соучастие в преступлениях в качестве организатора полностью охватывает действия осужденного, связанные с оказанием помощи в совершении преступления [16].

Вместе с тем сказанное не означает, что совокупное выполнение лицом пособнических и подстрекательских действий должно однозначно приводить к выводу о необходимости их квалификации как организаторских.

Так, Верховный Суд РФ признал верной позицию нижестоящего суда о квалификации действий Файзулиной, которая была признана виновной в соучастии совершенного Шевцовым убийства ее мужа Файзулина — в подстрекательстве и пособничестве. Вывод о виновности Файзулиной основан на доказательствах, исследованных в судебном заседании. Как видно из показаний самой Файзулиной, об убийстве мужа она договаривалась через Проскурнину, ей же передавала деньги для вручения исполнителю убийства. После убийства они вместе с Проскурниной убрали следы крови, окровавленные вещи. При таких обстоятельствах суд правильно признал Файзулину подстрекателем и пособником убийства [8].

Аналогичный пример. Президиум Верховного Суда России признал обоснованной квалификацию действий Т. как подстрекательства и пособничества в разбойном нападении. Т., зная, что у З. имеются деньги, предложил Ш. и К. их похитить. С этой целью осужденные в декабре 1999 г. под надуманным предлогом заманили потерпевшего на территорию садоводческого общества, где Ш. и К. избивали его, нанеся удары резиновой и деревянной палками по голове и лицу, а за-

тем задушили. После убийства из карманов одежды потерпевшего они похитили ключи от квартиры и деньги в сумме 50 руб. На следующий день осужденные открыли похищенными ключами квартиру потерпевшего, проникли в нее и похитили деньги в сумме 18 500 руб. и другое имущество. Чуть позже в тот же день Т. с неустановленными лицами вновь проникли в квартиру потерпевшего З. и похитили телевизор.

Суд квалифицировал действия Т. по ч. 4, 5 ст. 33, пп. «д», «з» ч. 2 ст. 105, ч. 4, 5 ст. 33, п. «в» ч. 3 ст. 162 УК РФ и пп. «а», «б», «в», «г» ч. 2 ст. 158 УК РФ. Президиум Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по надзорной жалобе осужденного, изменил судебные решения; в частности, исключил осуждение Т. за подстрекательство к убийству с особой жестокостью и за пособничество в убийстве с особой жестокостью и сопряженное с разбоем. Однако оставил неизменной квалификацию его действий по участию в разбое одновременно и как подстрекательства, и как пособничества [17].

Следует обратить внимание на то, что квалификация действий подсудимого как подстрекательства и пособничества в совершении одного преступления не образует совокупности преступлений; содеянное рассматривается как одно посягательство, а содержание и характер действий лица учитываются при назначении наказания (с возможным применением п. «г» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Ключевое отличие организаторских действий от подстрекательских и пособничества (а равно от их одновременного исполнения) состоит в том, что организатор сам разрабатывает механизм совершения преступления: определяет круг соучастников, содержание действий каждого соучастника, их последовательность, планирует преступление, его подготовку и постпреступные действия. В то время как подстрекатели и пособники действуют по «чужой воле», исполняя то, что им было поручено; либо, когда их действия являются инициативными, не разрабатывают плана совершения самого преступления, механизма выполнения его объективной стороны.

Что касается организаторских действий, связанных с созданием и руководством организованной преступной группой, то их содержание детально раскрыто Верховным Судом РФ в постановлении Пленума № 12 от

10 июня 2010 г. «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в ней (ней)» [3]. Согласно постановлению «под руководством преступным сообществом (преступной организацией) или входящими в него (нее) структурными подразделениями следует понимать осуществление организационных и (или) управленческих функций в отношении преступного сообщества (преступной организации), его (ее) структурных подразделений, а также отдельных его (ее) участников как при совершении конкретных преступлений, так и при обеспечении деятельности преступного сообщества (преступной организации). Такое руководство может выражаться, в частности, в определении целей, в разработке общих планов деятельности преступного сообщества (преступной организации), в подготовке к совершению конкретных тяжких или особо тяжких преступлений, в совершении иных действий, направленных на достижение целей, поставленных преступным сообществом (преступной организацией) и входящими в его (ее) структуру подразделениями при их создании (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения и сокрытия совершенных преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов преступного сообщества, в конспирации и в распределении средств, полученных от преступной деятельности). К функциям руководителя преступного сообщества (преступной организации) следует также относить принятие решений и дачу соответствующих указаний участникам преступного сообщества (преступной организации) по вопросам, связанным с распределением доходов, полученных от преступной деятельности, с легализацией (отмыванием) денежных средств, добытых преступным путем, с вербовкой новых участников, с внедрением членов преступного сообщества (преступной организации) в государственные, в том числе правоохранительные, органы».

Квалификация действий организатора непосредственно зависит от того, связаны они с созданием организованной группы или нет.

Если организаторские действия не были связаны с созданием организованной груп-

пы, то организатор несет ответственность за преступление, совершенное исполнителем, по соответствующей статье Особенной части УК РФ, со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ, при условии, если он не принимал участия в исполнении объективной стороны преступления.

Если организаторские действия по совершению преступления были связаны с созданием организованной группы или незаконного вооруженного формирования, банды, преступного сообщества, экстремистского сообщества, то организатор несет ответственность, при наличии к тому оснований, по ст. 208, 209, 210, 282.1 УК РФ и по совокупности за все преступления, совершенные этими объединениями, если они охватывались его умыслом на момент создания группы, причем без ссылки на ч. 3 ст. 33 УК РФ.

Если организаторские действия состояли в создании организованной группы лиц, ответственность за организацию или участие в которой не предусмотрена УК РФ, их квалификация через институт соучастия исключается. В этом случае виновные, при наличии к тому оснований, могут нести ответственность за приготовление к преступлению (например, в случае создания организованной группы для совершения хулиганских действий).

Подстрекатель к преступлению – это в соответствии с ч. 4 ст. 33 УК РФ лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. Склонение к совершению преступления означает такие действия виновного, результатом которых стало возникновение в сознании иного лица решимости совершить преступление. Подстрекатель может склонять иных лиц к участию в преступлении в качестве исполнителей или в качестве пособников, но не исключено и подстрекательство к организации преступления или подстрекательство к созданию преступного сообщества.

Способы воздействия подстрекателя на сознание иных соучастников примерным перечнем описаны в законе: уговоры, т. е. убеждение, внушение мысли о необходимости или желательности совершить преступление; подкуп, т. е. обещание материальных или иных выгод от совершения преступления; угрозы, т. е. насильственное психическое воздействие на иных лиц, угрозы насилием, уничтожением имущества, распространени-

ем каких-либо сведений и т. д. (здесь принципиально важно, чтобы психическое насилие не приобрело качества непреодолимого психического принуждения, в противном случае «подстрекатель» должен признаваться посредственным причинителем); иные способы – физическое насилие (не достигающее качества непреодолимого физического принуждения), обман (но не такой интенсивности и содержания, при которых исключается вина подстрекаемого к преступлению), провокация преступления (за исключением тех случаев, когда провокация осуществляется в соответствии с законом в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий) и т. д.

В одном из решений Верховный Суд РФ указал, что предложение о совершении преступления в соответствии с требованиями ч. 4 ст. 33 УК РФ следует также признать подстрекательством к совершению преступления [18].

Признавая лицо подстрекателем к совершению преступления, важно обратить внимание на следующие рекомендации, выработанные в практике высшей судебной инстанции:

– подстрекателем может быть признан лишь тот, кто своим действием стремился возбудить у другого лица намерение или укрепить решимость совершить не какое-либо вообще противоправное деяние, а конкретное преступление, охватываемое умыслом подстрекателя [9]. (Общие призывы к совершению преступления, не адресованные к конкретному лицу, могут быть квалифицированы как преступные лишь в случаях, если они содержат признаки самостоятельного преступления, например: ст. 205.2 УК – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, ст. 280 УК – публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности.);

– для признания лица подстрекателем необходимо установить причинную связь между действиями этого лица и действиями исполнителя преступления [10];

– для обвинения в подстрекательстве необходимо установить, что вмененные лицу действия совершены с прямым умыслом склонить другое лицо к совершению преступления [13];

– виновный в подстрекательстве сознает, что его действия вызовут у подстрекаемого решимость совершить преступление, и пред-

видит тот результат, которого достигнет подстрекаемый, желает или сознательно допускает наступление этих последствий [11].

Пособник в совершении преступления, в соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ, – это лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы.

Вслед за законом в науке традиционной стала классификация пособничества на интеллектуальное (советы, указания, предоставление информации) и физическое (устранение препятствий, сокрытие орудий и средств преступления и т. д.). Общим свойством пособничества является то, что они не направлены на возбуждение решимости совершить преступление (даже когда представляют собой советы или указания, это указания не о необходимости совершить преступление, а о желательной последовательности действий, о наиболее эффективных способах и средствах и т. д.) и не составляют элементов объективной стороны совершаемого в соучастии преступления (за исключением тех случаев, когда объективную сторону преступления со специальным субъектом выполняют совместно два лица, одно из которых не обладает специальными признаками субъекта преступления). Пособник – это лицо, оказывающее помощь в совершении преступления; причем эта помощь может быть оказана им до, во время и после совершения преступления (в последнем случае, если она была заранее обещана). Для признания лица пособником в совершении преступления сохраняет свое значение общее требование о том, чтобы оно было осведомлено о направленности умысла иных соучастников.

Пособничество – это всегда конкретные деяния. Их отсутствие исключает возможность квалификации поведения лица как преступления.

Так, оправдывая Тарочкина за отсутствие в его действиях состава пособничества в изнасиловании, Верховный Суд указал на это.

Из приговора усматривается, что суд признал пособничеством то, что Тарочкин якобы по команде Блохина А. наблюдал за окружающей обстановкой, когда Блохины насиловали Артюхину. Между тем в судебном заседании Тарочкин объяснил, что он действительно находился поблизости, когда Блохины насиловали Артюхину, но за обстановкой не следил, а увидев, что Блохин А. душит потерпевшую, с места происшествия убежал. Эти объяснения Тарочкина по делу ничем не опровергнуты. Таким образом, делается вывод в определении, что Тарочкин никаких действий, которые бы свидетельствовали о его пособничестве в изнасиловании, не совершал, поэтому он не может быть привлечен к уголовной ответственности за пособничество в совершении преступления [7].

В некоторых случаях *пособнические действия могут составлять самостоятельное преступление* (например, незаконное приобретение оружия в качестве пособничества в убийстве). Верховный Суд в одном из своих решений сформулировал четкую позицию на этот счет: «Действие или бездействие, содержащие самостоятельный состав преступления и предпринятые сознательно с целью устранения препятствия для совершения преступлений другим лицом, надлежит квалифицировать по совокупности по статьям УК, предусматривающим данное действие или бездействие и соучастие в другом преступлении» [14].

Пособнические действия, как и действия иных соучастников, всегда носят умышленный характер. Верховный Суд неоднократно подчеркивал: действия обвиняемого, хотя и содействовавшие объективно преступлению, но совершенные без поставленной цели оказать такое содействие, не могут рассматриваться как соучастие [12; 15]. Пособник должен осознавать, в совершении какого конкретно преступления он оказывает содействие, предвидит возможность наступления в результате совместных с исполнителем действий определенных общественно опасных последствий и желает либо сознательно допускает наступление таких последствий» [4]. В силу этого неосторожные (и тем более – невиновные) действия, которые объективно способствуют совершению преступления иными лицами, не могут составлять соучастия в преступлении. Для отдельных, особо опасных случаев такого «неосторожного пособничества» за-

кон конструирует самостоятельные уголовно-правовые нормы. Так, если в результате небрежного хранения оружия одним лицом были созданы условия для того, чтобы другое лицо им воспользовалось и совершило убийство, соучастие исключается, а лицо, выполнившее фактически роль «неосторожного пособника», будет нести ответственность по ст. 224 УК РФ.

Квалификация действий подстрекателя и пособника напрямую определяется квалификацией действий исполнителя преступления:

– подстрекатель и пособник несут ответственность по статье Особенной части УК РФ, по которой было квалифицировано действие исполнителя, со ссылкой соответственно на ч. 4 или ч. 5 ст. 33 УК РФ;

– в случае недоведения исполнителем преступления до конца по независящим от него причинам действия подстрекателя и пособника квалифицируются со ссылкой на ч. 4 или ч. 5 ст. 33 УК РФ и со ссылкой на соот-

ветствующую часть ст. 30 УК РФ;

– исключение судом из обвинения квалифицирующего признака «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору», равно как отсутствие данных о лице, явившемся организатором преступления, не исключает уголовной ответственности подстрекателя и пособника (определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Куренного Д.А и др.; дело № 71-О10-14);

– лицо, которому по независящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления, несет ответственность за приготовление к преступлению (ч. 5 ст. 34 УК РФ).

Таким образом, изложенные правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии, основанные на анализе практики Верховного Суда РФ, в целом могут считаться устоявшимися, а их систематизированное представление способно внести свой вклад в дело повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и суда.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2001. – № 8.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 8.
4. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации за 2007 год // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 9.
5. Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции : утвержден Постановлением Президиума Верховного Суда РФ 26 января 2005 г. : [сайт Верховного Суда РФ]. – URL: <http://www.supcourt.ru>
6. Обзор судебной работы гарнизонных военных судов по рассмотрению уголовных дел за 2004 год. – 2005. – 23 июня.
7. Определение Военной коллегии Верховного Суда РФ от 4 февраля 1997 г. № 1-0149/97. Не опубликовано.
8. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ от 9 июня 1998 г. по делу Файзулиной С. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.
9. Определение Судебной коллегии Верховного Суда СССР от 11 сентября 1967 г. по делу Б. // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1967. – № 5.
10. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РСФСР от 14 июля 1966 г. по делу И. // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1966. – № 11.
11. Определение Уголовно-судебной коллегии Верховного Суда СССР от 4 июня 1939 г. по делу М. // Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938–1978. – Изд. 3-е, доп. и перераб. / сост. С.В. Бородин, Г.А. Левицкий. – М., 1980.
12. Определение Уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР от 10 июля 1930 г. по делу М. и Ш. // Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938–1978. – Изд. 3-е, доп. и перераб. / сост. С.В. Бородин, Г.А. Левицкий. – М., 1980.
13. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 2 декабря 1959 г. по делу П. // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1960. – № 3.
14. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 6 апреля 1945 г. по делу П. и др. // Вопросы уголовного права и процесса в практике Верховных Судов СССР и РСФСР. 1938–1978. – Изд. 3-е, доп. и перераб. / сост. С.В. Бородин, Г.А. Левицкий. – М., 1980.

15. Постановление Президиума Верховного Суда Азербайджанской ССР от 13 февраля 1976 г. по делу К. // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1976. – № 4.
16. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31 января 2007 г. № 596-П06 по делу Калинина // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 12.
17. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 311П09 по делу П. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2010. – № 9.
18. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 618-П06 по делу Гагаева и Митиненко // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2007. – № 10.

REFERENCES

1. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2005, no. 4.
2. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2001, no. 8.
3. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2010, no. 8.
4. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2008, no. 9.
5. *Obzor kachestva rassmotreniya okružnymi (flotskimi) voennymi sudami ugovolnykh del po pervoy instantsii* [Review of the Quality of Consideration of Criminal Cases in District (Naval) Military Courts of Trial]. Available at: <http://www.supcourt.ru>
6. *Obzor sudebnoy raboty garnizonnykh voennykh sudov po rassmotreniyu ugovolnykh del za 2004 god* [Review of Activities of Garrison Military Courts in Consideration of Criminal Cases for the Year 2004]. June 23, 2005.
7. *Opreделение VoЕННОY kollegii Verkhovnogo Suda RF ot 4 fevralya 1997 g. № 1-0149/97. Ne opublikovano* [Decision of the Military Panel of the Supreme Court of the Russian Federation of Feb. 4, 1997, no 1-0149/97]. Not published.
8. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 1999, no. 3.
9. *Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR* [Bulletin of the Supreme Court of the USSR]. 1967, no. 5.
10. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RSFSR* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Soviet Federative Socialist Republic]. 1966, no. 11.
11. *Voprosy ugovolnogo prava i protsessa v praktike Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR. 1938-1978* [Criminal Law and Process Issues in the Practice of the Supreme Court of the USSR and the Russian Soviet Federative Socialist Republic. 1938-1978]. Moscow, 1980.
12. *Voprosy ugovolnogo prava i protsessa v praktike Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR. 1938-1978* [Criminal Law and Process Issues in the Practice of the Supreme Court of the USSR and the Russian Soviet Federative Socialist Republic. 1938-1978]. Moscow, 1980.
13. *Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR* [Bulletin of the Supreme Court of the USSR]. 1960, no. 3.
14. *Voprosy ugovolnogo prava i protsessa v praktike Verkhovnykh Sudov SSSR i RSFSR. 1938-1978* [Criminal Law and Process Issues in the Practice of the Supreme Court of the USSR and the Russian Soviet Federative Socialist Republic. 1938-1978]. Moscow, 1980.
15. *Byulleten' Verkhovnogo Suda SSSR* [Bulletin of the Supreme Court of the USSR]. 1976, no. 4.
16. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2007, no. 12.
17. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2010, no. 9.
18. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation]. 2007, no. 10.

Информация об авторе

Пудовочкин Юрий Евгеньевич (Москва) – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ГОУ ВПО «Российская академия правосудия» (117418, Москва, ул. Новочеремушкинская, 69А, e-mail: 11081975@list.ru)

Information about the author

Pudovochkin, Yuriy Yevgenyevich (Moscow) – Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Law. Russian Academy of Justice (69-A, Novocheryomushkinskaya str., Moscow, 117418, e-mail: 11081975@list.ru)